

Пока они переговаривались, мастер Царства Слияния с Единым успел заметить их. Сокрушительный удар обрушился на укрытие. Каменную глыбу разнесло в щепки, а Юэ Сючжи и Пэй Мин стремительно отпрыгнули на добрый десяток метров.

Мастер прищурился, холодно разглядывая уцелевших:

— Не Пэй Мин. Похоже, у него объявился сообщник. Впрочем, неважно, — прорычал он. Вся его внутренняя сила хлынула наружу, заставляя воздух вокруг вибрировать. — Всякий, кто встанет у меня на пути, умрёт!

— Возьми на себя вожака, — крикнул Юэ Сючжи Пэй Мину. — С остальными разберусь я!

— Справишься? — Пэй Мин взглянул на него с едва скрываемым беспокойством. — Их больше тридцати, и среди них немало тех, кто находится на пике Священного Царства.

Юэ Сючжи мгновенно помрачнел.

«Что ещё за "справишься"? Настоящий мужчина никогда не признает, что не может!»

— Не смей меня недооценивать! — раздражённо бросил он. — Кончай болтать, за дело!

С этими словами он сорвался с места, точно пущенная из лука стрела, и ринулся на толпу врагов.

Юэ Сючжи и сам был далеко не промах. Во время странствий по малому миру демонического практика ему то и дело попадались древесные твари, сплошь находившиеся на пике Священного Царства. И хотя сражаться с живыми практиками куда сложнее, чем с неповоротливыми монстрами, продержаться до тех пор, пока «Цзюнь Хуачэнь» прикончит вожака, ему точно по силам.

Враги, услышав, что какой-то наглец вознамерился в одиночку перебить их всех, пришли в неистовство. Яростно взревев, они плотным кольцом двинулись на Юэ Сючжи.

Пэй Мин тем временем стремительно атаковал вожака. Тот, хоть и находился лишь на начальной стадии Царства Слияния с Единым, оказался на редкость изворотливым и опытным бойцом. Силы их рангов формально были равны, и хотя Пэй Мин превосходил противника по части тайных техник и боевого мастерства, быстро покончить со столь грозным врагом не получалось.

Понимая, что бой затягивается, Пэй Мин бросил быстрый взгляд в сторону Юэ Сючжи. Тот держался из последних сил, но численный перевес брал своё — его теснили со всех сторон, и долго он не продержится.

Иного ожидать и не приходилось. Юэ Сючжи находился лишь на средней стадии Священного Царства. Противостоять тридцати равным по рангу противникам и не погибнуть в первые же мгновения — само по себе было сродни чуду.

Пэй Мин прищурился, вновь переводя взгляд на своего оппонента. Он намеренно увёл вражеского вожака на периферию боя, кружа вокруг сражающихся. Со стороны казалось, будто их схватка описывает ровный круг вокруг Юэ Сючжи и облепивших его врагов. Улучив момент, Пэй Мин внезапно швырнул напарнику какой-то предмет.

— Лови! — крикнул он.

Юэ Сючжи резким выпадом пронзил подкравшегося со спины нападавшего и на лету перехватил брошенный предмет. В его ладони оказался тускло мерцающий зеленоватый камешек. На первый взгляд — самая обыкновенная, бесполезная галька.

«Что за бред? Зачем Цзюнь Хуачэнь бросил мне эту безделушку?»

Не успел Юэ Сючжи разозлиться на неуместную выходку напарника, как земля вокруг него содрогнулась. Все до единого враги внезапно, словно подкошенные огромным весом, рухнули наземь. Удар был такой силы, что их телами выбило глубокие ямы. У несчастных полопались кровеносные сосуды, из ушей, ноздрей и рта хлынула кровь, а остекленевшие глаза почти вывалились из орбит. Зрелище было жуткое.

Из тридцати нападавших Юэ Сючжи успел прикончить едва ли треть, но оставшиеся два десятка практиков мгновенно испустили дух, буквально раздавленные чудовищным давлением.

Вожак, всё ещё пытавшийся атаковать Пэй Мина, ошарашенно уставился на поле боя, его глаза округлились от ужаса:

— Ты... ты нарочно кружил вокруг нас! Ты всё это время тайно накладывал ограничительные контуры! Это же Массив Тысячи Цзюней!

Юэ Сючжи лишился дара речи. Этот второстепенный злодей заслуживал награды за образцовое исполнение роли. Сначала он столь же любезно растолковал, как выжил под градом талисманов, а теперь — разжевал принцип действия ловушки. Истинное украшение любого классического сюжета.

«Спасибо за пояснение, приятель! Сам бы я ни за что не догадался».

— Слишком много болтаешь, — равнодушно отозвался Пэй Мин.

Уклонившись от отчаянного, последнего выпада противника, он резким движением вонзил ладонь прямо ему в грудь. Вожак, и без того растративший все свои силы, не смог даже

вскрикнуть. Его тело обмякло и тяжело повалилось в дорожную пыль.

Пэй Мин окинул взглядом безжизненное тело и тихо добавил:

— Обычный Массив Тысячи Цзюней на такое не способен.

Он лишь немного его усовершенствовал.

Классическое заклинание обрушивало на запертых внутри тяжесть в тысячу цзюней. Однако для могущественных мастеров Священного Царства подобный вес — сущий пустяк. Пэй Мин же перенастроил энергетические потоки, усилив давление в сотни раз, так что несчастных попросту раздавило весом их собственных тел.

Ещё до своего вознесения к божественному престолу он числился непревзойдённым мастером печатей и барьеров. Позже он осознал: законы этого мира сами стремились к нему, податливые и послушные. Ведь любое построение, по сути, являлось ничем иным, как управлением изначальными правилами мироздания.

В этом мире, переписав законы чужого малого пространства, он ощутил, как истончилась преграда между ним и местным миропорядком. Теперь он мог чертить схемы любой сложности с прежней, пугающей лёгкостью.

Юэ Сючжи подошёл ближе, сжимая в пальцах таинственную зелёную гальку.

— Зачем ты дал мне это?

Пэй Мин мазнул по камню равнодушным взглядом:

— Выбрось. Подобрал по дороге под ногами. Нужно было срочно закрепить центр массива, иначе тебя раскатало бы вместе с ними.

— А по-моему, вещь симпатичная, — усмехнулся Юэ Сючжи, пряча камешек в пространственный мешочек. — К тому же она спасла мне жизнь. Пожалуй, оставлю на память.

Он замолчал, о чём-то задумавшись, а затем негромко спросил:

— Ты хорошо разбираешься в барьерах и массивах?

— Весьма, — просто ответил Пэй Мин.

— Скромность явно не входит в число твоих добродетелей, — покачал головой Юэ Сючжи. — Я

знал одного человека... Он тоже был непревзойдённым мастером в этом деле.

«В прошлой жизни этот паршивец Пэй Мин умудрился запечатать великим массивом всю секту Девяти Сияющих Небес. Держал в осаде полгода, лишь бы выманить меня наружу».

«У него имелась тысяча способов ворваться и взять меня силой. Но нет, ему непременно хотелось, чтобы я сдался сам. Изошрённое, издевательское мщение».

«Оставив сектантские земли заблокированными, он преспокойно отбыл в Обитель Святых. А когда вернулся спустя полгода, защитные рубежи Девяти Сияющих Небес уже трещали по швам».

«Ведь он перекрыл не только выходы, но и приток духовной энергии. Пленники задохнулись без чистой ци, её запасы таяли с каждым днём. За эти проклятые шесть месяцев многие адепты растеряли свои жизненные силы и сократили себе век».

«Когда Пэй Мин явился за своей добычей, я уже ждал его. И безропотно шагнул в подготовленную для меня темницу».

Пэй Мин сразу понял, о ком идёт речь. Внутри у него всё сжалось. Он долго всматривался в тонкий профиль Юэ Сючжи, прежде чем тихо спросить:

— Вы были... друзьями?

Он прекрасно понимал, какую глупость спрашивает, но непреодолимое желание услышать, что учитель думает о нём прежнем, взяло верх. Вместе с тем в его душе окончательно укрепилась догадка: перед ним стоял именно его Юэ Сючжи. Тот самый, из его родного мира.

Юэ Сючжи горько усмехнулся:

— Друзьями? Едва ли. Скорее уж заклятыми врагами.

Пэй Мин внутренне подобрался, скованный внезапным страхом. Он до сих пор малодушно избегал мыслей о том, какими жестокими методами терзал своего учителя в прошлом. Даже если когда-то Юэ Сючжи и питал к нему сострадание и чувство вины, то после пережитого кошмара... Окажись сам Пэй Мин на месте жертвы такого изошрённого насилия, он бы никогда, ни при каких обстоятельствах не простил мучителя.

— Ты... сильно его ненавидишь? — осторожно, едва дыша, выдавил Пэй Мин.

Ему было до смерти страшно услышать приговор. Юэ Сючжи медлил с ответом, и молчание затягивалось, увлекая сердце Пэй Мина на самое дно ледяной бездны. Но следующие слова

учителя рывком вытянули его обратно к свету и теплу.

— Ненависти нет, — мягко произнёс Юэ Сючжи. — Понимаешь... Стечение обстоятельств вынудило меня причинить ему боль. Я не мог поступить иначе. Но моя совесть разрывалась на части, и я пытался искупить вину — тайно, так, чтобы он ничего не узнал. Он, конечно, оставался в неведении, а когда вырос — сполна отплатил мне за всё.

Он тихо, неопределённо рассмеялся:

— Тогда его месть едва не свела меня с ума. Признаться, в те чёрные дни я действительно его ненавидел.

Пэй Мин до боли сжал кулаки.

— Но время шло, — продолжил Юэ Сючжи, устремив взгляд куда-то вдаль. — Страсти улеглись, разум прояснился. И теперь я понимаю, насколько эгоистичным был тогда. Все мои тайные попытки загладить вину... Я делал это не ради него, а ради себя. Чтобы заглушить голос совести, унять душевную муку. Самое обыкновенное малодушное самовнушение. Как можно считать себя праведником, если одной рукой ты наносишь удар, а другой — фальшиво протягиваешь целебную мазь?

— Порой мне думается: даже если бы я мучил его сознательно, без всякого давления извне, его мести хватило бы с лихвой, чтобы мы квитались. Мы раз и навсегда закрыли бы этот счёт. Что уж говорить о том, что у меня не было выбора. И всё же эти оправдания не приносят покоя. В чём была его вина? Он ведь ничего не знал. Я ранил его, а потом лез со своей непрошеной заботой. Разве это не было издевательством над его судьбой? Разве грех перестаёт быть грехом, если тебя к нему принудили? Даже земные законы карают соучастников преступлений, совершённых под страхом смерти.

Юэ Сючжи судорожно вздохнул, силясь сдержать подступивший к горлу ком.

— Я не держу на него зла. Больше того... мне по-прежнему безмерно жаль, что всё так сложилось.

Рядом стоял человек, который, как думал Юэ Сючжи, ничего об этом не знал. И именно ему он наконец доверил тайну, которую собирался унести с собой в могилу.

Пэй Мин ласково, с бесконечной нежностью и грустью посмотрел на учителя.

— Я уверен... если бы он услышал эти слова, он бы никогда тебя не обвинил.

Его учитель... он всегда видел суть вещей слишком ясно. Он сочетал в себе безграничную доброту, мягкосердечие и кристально чистый разум. Но была у него одна беда — он судил себя

строже любого палача.

«Я знаю, что у тебя не было выбора. Разве в поднебесной хоть когда-то существовал идеальный исход?»

«Это словно жестокая шутка судьбы: тебя заставляют выбирать, чью жизнь оборвать ради спасения другого. Или обречь на смерть одного человека, чтобы уцелели сотни».

«Любой благородный муж выберет спасение большинства. Но искупить гибель того единственного, кого пришлось принести в жертву, невозможно. Винить себя до скончания веков за вынужденное решение — это истинное безумие».

«Но что ещё тебе оставалось?»

«Рок швырнул тебя на эту плаху, заставив принимать чудовищное решение. Твоей вины в этом нет. Спаси ты тогда лишь его одного ценой сотен невинных жизней — разве твоё сердце не разлетелось бы от раскаяния ещё быстрее?»

«В этой задаче изначально не было правильного ответа».

<http://bllate.org/book/20589/2214891>